

УДК 316.7:379.8

DOI: 10.48164/2713-301X_2024_18_33

Л.Б. Зубанова

Челябинск

Челябинский государственный институт культуры
milazubanova@gmail.com**О.М. Громова**

Челябинск

Челябинский государственный центр народного творчества
gromova@mail.ru

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОСУГА»: КУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ И КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ОТВЕТА»

Современная культурно-досуговая среда претерпевает трансформации, закрепляющие статус свободного времени как приоритетной сферы существования потребителя. Цель статьи – с опорой на механизм «Вызова-и-Ответа», предложенный А.Дж. Тойнби при исследовании динамических процессов общества, выделить ключевые социокультурные процессы и феномены, определяющие развитие культурно-досуговой среды и глобальные тренды современности. Авторы приходят к выводу, что на современном этапе происходит актуализация культурной памяти и локального культурного наследия, усиливается потребность в живом общении и усталость от тиражируемого массового потока. Вместе с тем наблюдается возрастающий интерес к уникальным ремеслам и практикам любительского творчества (феномен мейкерства).

Ключевые слова: культура, досуг, цивилизация досуга, культурно-досуговые практики, тренды, хендмейд, мейкерство.

Предложенный Ж.-Р. Дюмазедье термин «цивилизация досуга» не только закрепляет ведущий статус свободного времени (в сравнении с временем рабочим, долгое время трактовавшимся как приоритетная область существования человека), но во многом позволяет фиксировать сквозь эту призму актуальную симптоматику культуры. Культурно-досуговая среда выступает маркером актуальных тенденций социальной жизни, позволяет с наибольшей очевидностью зафиксировать изменения, происходящие в XXI веке. Звучащие в научных концепциях и общественных дискуссиях диагнозы: «общество потребления» «консьюмерная культура», «цивилизация досуга», «зрелищная культура», «виртуальная культура» и др. неслучайно указывают на пространство реализации культурно-досуговых запросов, очерчивают сферу свободного времени человека.

Концепты «креативного города» (Ч. Лэндри), «экономики впечатлений» (Д. Пайн, Д. Гилмор) и «культурной экономики» (Р. Флорида) акцентируют внимание на культурно-досуговой сфере как подвижном элементе социальной структуры, соединяющем экономический «базис» и духовно-символическую «надстройку» жизни.

По мнению М.С. Кагана, место искусства в жизни общества определяется реализацией специфической функции – быть зеркалом культуры, ее самосознанием [1, с. 45]. Досуг как время свободного, не регламентированного и эмоционально насыщенного личностного пространства реализует в чём-то аналогичную функцию, но не столько в значении «духовного кода» или «самосознания нации» (что свойственно искусству), сколько в качестве «зеркального отражения» актуальных социокультурных тенден-

ций. Свободное время человека, избираемые им форматы его проведения и востребованные досуговые практики на микроуровне повседневной жизни отражают ключевые разломы времени и его глобальные тренды. Для исследования динамических процессов, происходящих в обществе, целесообразно обратиться к методологии классических философских концепций. В настоящей статье мы попытаемся раскрыть соотношение культурных трендов и определить степень их отражения в актуальных досуговых практиках, используя механизм «Вызова-и-Ответа», обоснованный в трудах А.Дж. Тойнби [2].

Не претендуя на исчерпывающий анализ состояния современной культурно-досуговой среды, выделим те позиции и проявления, которые, на наш взгляд, наиболее заметны и значимы в контексте культурологического анализа изменений конца XX – начала XXI века.

Прежде всего, речь можно вести о *синдроме новой темпоральности* как соотношении темпов смены традиций и новаций, особенностей восприятия перемен в ситуации ускорения времени. Одним из первых об этом говорил футуролог Э. Тоффлер, осмысляющий возможности адаптации человека к «дезориентирующим большим переменам, происходящим за слишком короткое время» [3, с. 5]. Наглядным здесь выступает не только ключевой концепт «Шок будущего», но и используемые Тоффлером тематические подзаголовки внутри работы: «Конец постоянства», «Сила ускорения», «Недолговечность», «Принцип одноразовости», «Пределы адаптации», «Гостеприимство в спешке» и др.

Переосмысление устойчивости жизненного уклада (роль традиции как ключевого механизма воспроизведения культуры), индивидуально-психологическая установка на ускорение проявились в своеобразном «культе скорости». Отсюда погоня за техническими новинками как потребность «быть в тренде», популярность фаст-

фуда (буквально набегу), краткосрочных курсов и программ по всевозможным направлениям (долгое время именно знание и обучение связывались с длительностью погружения в избранную область), увеличение скорости воспроизведения сюжетов в интернет-пространстве, экономия словесного выражения отношений в неформальных сетевых коммуникациях (лаконичные форматы сообщений, символы, эмодзи) и мн. др. При этом важно подчеркнуть, что высокие темпы, запрос на ускорение и мобильность не одновременно у разных слоев и сегментов. Так, например, С.Б. Синецкий обосновывает методологический принцип современного цивилизационно-культурного деления социума на две альтернативные цивилизационно-культурные группы, маркируемые знаками Retro и Future [4, с. 48-49]. И все же именно вектор Future долгое время связывался с прогрессивностью общественного движения.

В свете ускорения времени можно выделить еще одну важную тенденцию современной культуры – *прово-зглашаемую ценность разнообразия*. Характеристика «прово-зглашаемая» в данном случае не трактуется нами в значении «декларируемой», а лишь указывает на постоянство присутствия в публичном дискурсе в качестве общезначимого ориентира. Здесь можно привести в пример Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, официально принятую ЮНЕСКО.

Еще одна актуальная особенность культурной ситуации: *неопределенность как символ времени*. Обрушившаяся на мир пандемия только усилила эти настроения. Один из ведущих современных мыслителей (газета The Times назвала его самым выдающимся мыслителем современности) Нассим Талеб выделил две базовые концепции: «черных лебедей» [5] – непредсказуемых событий, меняющих все состояние привычной жизни, и «антихрупкость» [6] – когда наибольшие стрессы, характерные

для неопределённости времени, заставляют человека постоянно искать адаптивные возможности и стратегии. Неопределенность фиксируется исследователями в различных вариантах «текучести»: «текучей современности» З. Баумана [7], «поточковых» структурах жизни [8], турбулентности времени.

Эти текущие потоковые структуры указывают на еще одну особенность, характерную для современной культуры, – *ведущие позиции виртуально-цифровой коммуникации*, под влиянием которой культура интерпретируется почти исключительно с позиций «цифровизации», «информатизации» и «коммуникации».

Современная культурно-досуговая среда, безусловно, существенно изменилась под влиянием процессов цифровизации, массовизации и нарастающих темпов ускорения.

В подобной ситуации традиция нередко приравнивалась к архаике. Традиционная культура, виды деятельности и результаты этой деятельности, прошедшие «проверку временем», считывались как не отвечающие запросам времени: его новой скорости и интенсивности происходящих изменений. Поколения людей, воспитанные на определенных традициях, не смогли передать накопленный опыт просто потому, что он перестал быть востребованным и релевантным для современного поколения, более не отражал ритмы современности.

Подобный статус традиции и девальвация опыта прошлых поколений стимулировали *ценностный разрыв*, который усилился в условиях «цифрового разрыва». Он проявился в культурном отчуждении и проблемах солидарности внутри различных групп. По мнению О.Н. Астафьевой и Н.Е. Судаковой, «трансформация ценностных представлений затронула все аспекты человеческой жизни, значимо проявив себя в обнулении традиционных семейных ценностей. Человек больше не стремится к оседлости, к постоянству

в семье и друзьях, но при этом направляет множество усилий на преодоление последствий одиночества и депрессии. Стремление к удовлетворению потребностей сообразно современным представлениям об успехе отдаляет нас не только от Другого, но и от истинной личностной сущности самого себя, которая неизменно уникальна и субъективна» [9, с. 27].

Активная экспансия явлений и феноменов, не имеющих устойчивой связи с традиционной идентичностью, проявилась, на наш взгляд, и в проблеме, которую мы обозначаем как «эффект Хэллоуина». Существуют разные точки зрения на данную ситуацию. Так, с одной стороны, мы можем выделить условных «охранителей», видящих в подобных процессах угрозу стабильности культуры и ратующих за сохранение аутентичности ее форм; с другой – «инноваторов», усматривающих во внешних влияниях благотворный эффект обновления и антистагнации. Оговоримся сразу, что это касается, преимущественно, феноменов популярной культуры, рассчитанной на массовое сознание, поскольку академическая культура все же в большей мере защищена устойчивостью канона, элитарностью сложившегося образца. Подобная возможность выбора иного и нетипичного хотя и способствовала демократизации культурной системы, вместе с тем не исключала и внутренней дезорганизации ее ключевых компонентов.

Влияние информационно-цифровых технологий изменило как саму сферу досуговых предпочтений и интересов человека, так и пространство их публичной презентации и репрезентации.

Важно подчеркнуть парадоксальный и противоречивый характер информационно-коммуникативных тенденций, оказывающих не только позитивные, но и негативные влияния на характер культурно-досуговых запросов, интересов и увлечений аудитории. Так, наиболее отчетливо проявляют себя, на наш взгляд, позиции, образно фиксируемые

нами в следующих метафорических конструкциях:

- *«Виртуальная ярмарка увлечений»*: возможности повсеместного обмена данными привели к тому, что цифровое пространство оказывается в полном смысле слова рынком презентации досугового предложения и самопрезентации увлечений аудитории. На сегодняшний день информационные сети устойчивых коммуникаций обеспечили возможность самопродвижения любого субъекта, имеющего соответствующий запрос и претензию на его удовлетворение. При этом интенсивное развитие информационных технологий повлияло не только на возможность продвижения себя и собственных увлечений в виртуальном пространстве, но и на возникновение чувства неудовлетворенности людей собственными досуговыми компетенциями (например, фиксируемый исследователями массовой коммуникации эффект «спирали зависти»). Глобальное публичное пространство позволило сравнивать собственные достижения с результатами деятельности других людей и, с одной стороны, стимулировать активность, с другой – переживать постоянное чувство несоответствия амбиций возможностям собственной самореализации.
- *«Смещение статуса арбитра»*: как подчеркивает А.А. Новикова, долгое время «высокая» профессиональная и «низкая» самодетельная сферы были отделены друг от друга рядом экспертных процедур, которые контролировали и охраняли сферу профессионального искусства от «любителей» [10, с. 72]. Цифровая среда сегодня не регулирует и не обеспечивает в полной мере легитимную ценность презентуемой информации или продукции. Глобальность потока коммуникаций породила и глобальный характер

предложения в информационном пространстве, при этом разрушены некогда четкие (обеспечиваемые теми или иными институтами и инстанциями) границы и критерии: «хорошо – плохо», «элитарное – массовое», «высокое – низкое», «специалист – дилетант». В результате в едином потоке могут соседствовать как высокохудожественные образцы, так и откровенный китч. По сути, в такой ситуации уходит компетентный арбитр, точнее, он растворяется в массе выбирающих и голосующих потребителей, наделяющих статусом специалиста того или иного субъекта, сумевшего просто убедить в этом аудиторию.

- *«Информационный фастфуд»*: интенсивность информационного потока приводит к тому, что «жизнь» того или иного культурного продукта в цифровой среде оказывается достаточно скоротечной. Контакт с презентуемым в сети объектом ускоряется и существует в большей мере в режиме так называемого потокового контента. Аудитория все реже закрепляет досуговые увлечения в формате устойчивого и сохраняющегося интереса (скачивание музыки, книг, фильмов), но всё больше предпочитает встречаться с ними в сменяющемся и обновляемом сетевом потоке.

Используемый нами механизм «Ответа» может рассматриваться и в логике действия компенсаторного механизма культуры. Согласимся с коллегами, которые полагают, что «он выступает одним из универсальных механизмов и проявляется обычно в ситуациях существенных трансформаций социокультурного мира. Его действие направлено на снижение или снятие кризисных явлений и дискомфортных эффектов от всевозможных форм культурного диссонанса: конфликта традиций и новаций, ценностей сохранения и изменения и т. п. В каких бы конкретных ситуациях ни проявля-

лось его действие, он обеспечивает реализацию в отношении сторон логики их согласованного и скоординированного бытия... Необходимо отметить, что это действие не может быть сведено лишь к маятникообразному типу. Однако как спонтанно возникающие, так и осознанно внедряемые (мотивация при этом может быть разной – от протестной до охранительной) культурные практики, ответные по отношению к радикальной культурной новации, могут соответствовать именно такой модели» [11, с. 50].

Этот компенсаторный механизм оценивается нами именно как адаптационная реакция на наличествующий социокультурный тренд. Данная реакция не обязательно выражается в диалектической «борьбе противоположностей», но действует, скорее, по принципу смягчающего «терапевтического эффекта» [12, с. 63], который способствует сглаживанию противоречий социальной жизни в регулируемой повседневности свободного времени.

Так, в системе общей неопределенности традиция становится «живой архаикой», компенсаторно усиливая внимание к культурной памяти как стабилизирующему компоненту жизни. З. Бауман говорит о ретротопии – эпохе ностальгии и потребности в удержании корней: «Когда меняется все с огромной скоростью, нет ничего более модного, чем ностальгия» [13, с. 438].

Мы наблюдаем все возрастающий интерес не только к сохранению, но и к активному продвижению народных (традиционных) ремесел и промыслов – всего уклада жизни, метафорически заключённого в концепте «духовного кода» культуры. Тенденцией последних лет становится значительное «осовременивание» традиционного – поиск инновационных подходов к презентации народного творчества, ремесел, практик. Культурное наследие, достопримечательности, фестивали и праздники народной культуры официально закрепляются в качестве ведущей отрасли креативных индустрий, согласно классификации ООН.

Системную поддержку получают такие современные проекты, как

- «Азбука народной культуры» (разработка Ассоциации «Народные художественные промыслы России»);
- ТЕТРА (Территория сохранения и развития традиций и уклада бытования);
- Реестр (каталог) объектов нематериального культурного наследия народов РФ – информационная система, построенная по принципу банка данных в категориях: традиционные технологии/техники; народное исполнительство; обрядовые комплексы и праздники; народные знания, народные игры, единоборства и состязания;
- Интерактивный атлас коренных малочисленных народов; языки и культуры.

В качестве приоритетной позиции поддержка народно-художественных промыслов и ремесел обосновывается в «Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (утверждена распоряжением Правительства РФ 20 сентября 2021 года № 2613-р). Более того, креативный характер их использования проявляется в разработке ключевых моделей развития современных территорий:

1. «Ремесленные поселения» – сельские территории, хранящие традиции народных художественных промыслов, произведений и культурных традиций;
2. «Исторические мануфактуры и ремесленные кварталы» – ярко выраженные промышленные специализация и локализация промыслов в конкретных кварталах;
3. «Горные территории мастеров» – культурное наследие в ландшафте уникальной природной среды;
4. «Проводники национальной идентичности» – приграничные терри-

тории, осуществляющие миссию межкультурного диалога;

5. «Место бытования народных художественных промыслов Севера» [14, с. 12-13].

Аналогичный компенсаторный эффект действует и в отношении процессов виртуализации – как усиление потребности в живом общении. Актуальные концепции эмоционального капитала (К. Томпсон) и общая направленность культуры в сторону «аффективного измерения» [15] с наибольшей очевидностью обнаруживаются в пространстве досуговых практик, концентрирующих впечатления, имеющих для человека особую значимость.

По мнению Ю.-Н. Харари, запрос на потребление впечатлений связан с «наложением» идеологии романтизма, характерной для XIX в., на общество потребления: «Романтизм с его любовью к разнообразию идеально сочетается с постулатами консьюмеризма. Их брак породил неисчерпаемый рынок “впечатлений”, на котором зиждется современная индустрия туризма. Ведь туроператор продает не билеты на самолет и не номер в отеле – он предлагает “незабываемые впечатления”. Париж – не город, а незабываемое впечатление, Индия – не страна, а впечатление...» [16, с. 145].

Потребитель ориентирован сегодня на то, что Ю.В. Лобанова называет «экономикой события» [17, с. 118] – ощущение и переживание сопричастности, возникающие вследствие разделяемого творческого опыта включения в культурно-досуговую деятельность. В целом сегодня заметен переход от общества потребления к «обществу переживания» (Г. Шульце), или, по определению Э. Тоффлера – к «индустрии ощущений».

Еще одна важная тенденция, вытекающая из описанных реалий и значимая для сферы досуга, определена К. Андерсоном как «конец культуры большинства» [18]. Андерсон иллюстрирует это на основе статистических данных: к середине 2000-х суммар-

ный тираж нишевых продуктов начал заметно превышать тираж бестселлеров. График, который он приводит, изображает кривую спроса на культурные товары до и после цифровизации. В этой кривой выделяется «голова», концентрирующая в себе хиты (массовые тиражи) и длинный хвост – нишевые культурные явления.

Эту особенность мы обозначаем как *«усталость от тиражируемости»*: возможности массовых продуктов хотя и способны удовлетворять спрос, общественный запрос на эксклюзивность удовлетворяют лишь частично. Здесь можно говорить о компенсаторном эффекте, проявляющемся в потребности рукотворности, ухода от виртуального и массового в область реальной предметной единичности. Именно с этим мы связываем небывалый интерес ко всем формам хендмейда – как осознанной ценности уникального (ауры единичного).

В этой связи особого внимания заслуживает феномен мейкерства, оцениваемый исследователями как своеобразная «буферная зона» между высоким искусством и массовой культурой [19]. Более того, речь может идти и об особой «мейкерской культуре» [20], возрождающей «дух ремесленничества» и берущей начало от движения «Do-it-Yourself» (сделай сам). Это движение возникло в США в эпоху массового производства (институционально оформившегося в форматах совместных производств или лабораторий сотрудничества – «Fab Labs»). В современных реалиях подобные мейкерские пространства получали название «makerspaces».

Обоснование статуса мейкерства (является ли оно буферной зоной или может претендовать на самостоятельный статус новой культуры) не предстает для нас первостепенной задачей. Гораздо важнее обозначить внутренние причины и смыслы, обусловившие появление мейкерства и популярность практик хендмейда.

Ключевым объяснением, на наш взгляд, здесь также выступает компенсаторный эффект.

Во-первых, реакция на избыточность культурного потребления, пробуждающего в человеке потребность к активизации личностных творческих потенций. При этом подобное движение не направлено против культуры потребления (создатели хендмейд-продукции зачастую ориентированы только на ее успешную рыночную реализацию), но связывается с утверждением собственного статуса создателя. В.И. Ильин вводит термин «креативный консьюмеризм», снимающий оппозицию между созданием и потреблением культурных благ: «В традиционном обществе или в обществе дефицита индивид что-то делал дома своими руками, потому что не мог купить (не было в наличии на рынке, не хватало денег). В обществе потребления индивид делает то же самое, помещая свою активность в иное пространство смыслов. Это уже занятие не бедных людей. Ему важен не сам результат, а процесс, приносящий удовольствие. Таким образом, производство является одновременно и индивидуальным потреблением. Реальной целью является не потребительная стоимость создаваемого продукта (это побочный результат), а увлекательное времяпрепровождение» [21, с. 47-48].

Во-вторых, важно подчеркнуть, что расцвет хендмейда одновременно сопровождается наращиванием объемов массовой, стандартизированной и тиражируемой продукции, а также интенсификацией виртуальных контактов и связей. В подобной ситуации индивидуально созданная вещь становится «маркером очеловечивания», сохраняет «ауру» подлинности и аутентичности (проблема, рассмотренная еще В. Беньямином). «Вообще, нынешний человек редко берет в руки вещи, утрачивается тактильный контакт, способствующий "оживлению" мертвой материи, посредством которого вещи "одухотворяются" и приобретают антро-

поморфные черты. В современном мире тактильные взаимодействия с вещами заменяются мимолетными прикосновениями, поэтому особую ауру приобретают вещи, несущие отпечаток руки человека» [22, с. 144].

В-третьих, именно процессы совместного творчества (если речь идет о созданных мейкерских пространствах) восполняют необходимость коллективной коммуникации и сопричастности и, как подчеркивают А.М. Сиюхова и Е.Н. Базалкина, выступают одним из способов противостояния экзистенциальному кризису – через укрепление социальных связей, контактов, духовной близости с единомышленниками (дарят «ощущение счастья»): «Творчество само по себе несет заряд счастья, но этот заряд многократно усиливается, если оно имеет отклик у единомышленников. В результате возникает атмосфера коллективного погружения в глубины художественной коммуникации с имманентно присущей ей функцией многократного повышения жизненной энергии социума и отдельного индивида» [23, с. 176].

В контексте исследования важно указать и на значимость сохранения исконного, укорененного в культуре, напрямую или опосредованно связанного с корнями, истоками народной традиции, воплощаемого в статусе «мастер».

Подводя итог фиксируемым культурным трендам и возникающим на их основе досуговым практикам (стимулируемым ими действующим вопреки), подчеркнем еще раз:

- пространство свободного времени – ценная (эмоциональный капитал) и значимая для человека область жизни, поддающаяся регулированию и контролю в мире неопределённости и нестабильности;
- погруженность в творчество, хобби, культурно-досуговую деятельность непосредственно влияет на удовлетворенность качеством жизни современного человека;

- культурное наследие, любительское творчество – уникальный ресурс эксклюзивности на фоне тиражируемого потока.

Продвижение идеи самореализации человека как креативного актора позволяет расширить социокультурные компетенции любого члена общества независимо от его возрастной, половой или профессиональной принадлежности. Именно это лежит в основе культуры любительства и определяет векторы развития современной культурно-досуговой среды. Стратегическая задача культурно-досуговых институций сегодня – стимулирование инициатив, превращающих человека из потребителя культурных благ в креативного субъекта социокультурного творчества.

Проведенный в данной статье анализ социокультурных трендов, процессов и феноменов, с одной стороны, опирается на авторитетные концепции и идеи философов и культурологов рубежа веков; с другой – может быть воспринят как несколько субъективная трактовка актуального поля культурных

смыслов и значений – произвольное выделение одних феноменов и игнорирование иных. Нам близка позиция К. Гирца, предлагающего исследователю фиксировать доступность «живых смыслов» наблюдаемых явлений в их тесной взаимосвязи с опытом жизни людей: «Анализ культуры состоит (или должен состоять) в угадывании значений, в оценивании догадок и выведении поясняющих заключений из наиболее удачных догадок» [24, с. 28].

Необходимость исследования культурно-досуговой среды определяется стремительно меняющимися формами ее функционирования, обновлением методов и принципов организации социальных коммуникаций, трансформацией досуговых практик и интересов, что заставляет пересматривать сложившиеся подходы и оценки традиционного опыта. Последний, именно в силу «традиционности» (как воспроизводимости в привычных условиях), требует как минимум актуализации взгляда, поиска инновационных практик, а также обновленного инструментария фиксации и интерпретации.

Список литературы

1. Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. 416 с.
2. Тойнби А.Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жарков. Москва: Прогресс, 1991. 736 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева и др. Москва: АСТ, 2003. 558 с. [Philosophy].
4. Синецкий С.Б. Личность как субъект ответственного цивилизационно-культурного выбора // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3 (59). С. 47–55.
5. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина. 2-е изд., доп. Москва: КоЛибри, 2013. 736 с.
6. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, сор., 2015. 762 с.
7. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 238 с.
8. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
9. Астафьева О.Н., Судакова Н.Е. К рефлексии оснований социокультурной солидарности в современном мире: на перекрестке оппозиции «свой – чужой» // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 24–30.
10. Новикова А.А. «Культурные индустрии» как часть публичной сферы: трансформация форм соучастия // Художественная культура. 2020. № 1 (32). С. 65–86.

11. Соломко Д.В., Сокоиков С.С., Невелева В.С. Экогуманистические аспекты компенсаторного механизма культуры // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 48-56.
12. Сокоиков С.С., Цукерман В.С. Компенсаторный механизм культуры: заметки на полях работы А.Я. Флиера // Вестник культуры и искусств. 2021. № 1 (65). С. 53-63.
13. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435-442.
14. Материалы заседания Совета по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Совет Федерации, 22 октября 2020 года) // Аналитический вестник. Москва, 2020. № 13 (756). С. 5-94.
15. Лобанова Ю.В. Аффективное измерение культуры в фокусе современного социально-гуманитарного знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (106). С. 6-13.
16. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. Москва: Синдбад, 2016. 516, [3] с.: ил., портр.
17. Лобанова Ю.В. Роль экранных технологий в формировании новой культуры эмоций и чувств // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 116-122.
18. Андерсон К. Длинный хвост / пер. с англ. И.С. Аникеева. Москва; Санкт-Петербург: Вершина, 2008. 268 с.: ил., табл. (Актуальность. Компетентность. Достоверность).
19. Калашникова А.А. Хендмейд как автономизирующееся поле символического пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2016. Вып. 3. С. 60-70.
20. Толкачев С.А., Соколов А.Д. Мейкерство как «строй цивилизованных кооператоров» в эпоху новой промышленной революции // Вопросы политической экономии. 2020. № 4. С. 119-134.
21. Ильин В.И. Креативный консьюмеризм как тренд современного общества потребления // Общество потребления: социальные и культурные основания. 2011. № 5 (58). С. 41-54.
22. Антонова И.А. Хендмейд как поиск гармонии в эпоху постмодернизма // Вестник гуманитарного университета. 2018. № 3 (22). С. 142-146.
23. Сиюхова А.М., Базалкина Е.Н. Особенности коммуникации в профильных социальных сетях (на примере интернет-сайтов, связанных с практикой хендмейда) // Вестник Майкопского государственного технического университета. 2021. Т. 13, № 3. С. 170-177.
24. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова. Москва: РОССПЭН, 2004. 560 с. [Культурология. XX век. CEU].

Сведения об авторах:

Зубанова Людмила Борисовна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры
ул. Орджоникидзе, 36-а, Челябинск, 454091
milazubanova@gmail.com

Громова Оксана Михайловна, директор Челябинского государственного центра народного творчества
ул. Первой Пятилетки, 17, Челябинск, 454091
gromova.o@mail.ru

Дата поступления статьи: 04.04.2024

Одобрено: 15.10.2024

Дата публикации: 25.11.2024

Для цитирования:

Зубанова Л.Б., Громова О.М. «Цивилизация досуга»: культурные вызовы и компенсаторный потенциал «ответа» // Сфера культуры. 2024. № 4 (18). С. 33–44. DOI: 10.48164/2713-301X_2024_18_33

УДК 316.7:379.8

DOI: 10.48164/2713-301X_2024_18_33

L.B. Zubanova

Chelyabinsk
Chelyabinsk State Institute of Culture
milazubanova@gmail.com

O.M. Gromova

Chelyabinsk
Chelyabinsk State Center for Folk Art
gromovao@mail.ru

**“CIVILIZATION OF LEISURE”: CULTURAL CHALLENGES AND
COMPENSATORY POTENTIAL OF THE “RESPONSE”**

The current cultural and leisure environment is undergoing transformations that consolidate the status of free time as a priority sphere of a consumer's existence. The article, basing on the “challenge-and-response” mechanism proposed by A.J. Toynbee in the study of the dynamic processes of society, is aimed at highlighting the key sociocultural processes and phenomena that determine the development of the cultural and leisure environment and global trends of the present. The authors

come to the conclusion that at the present stage actualization of cultural memory and local cultural heritage is taking place, the need for live communication and fatigue from the replicated mass flow are increasing. At the same time, there is an increasing interest in unique crafts and practices of amateur creative work (the phenomenon of making).

Keywords: culture, leisure, civilization of leisure, cultural and leisure practices, trends, handmade, making.

References

1. Kagan, M.S. (1996) *Filosofiya kul'tury`* [Philosophy of Culture]. Saint Petersburg: Petropolis. (In Russian).
2. Toynbee, A.J. (1991) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Transl. from English by E.D. Zharkov. Moscow: Progress. (In Russian).
3. Toffler, E. (2003) *Shok budushhego* [Future Shock]. Transl. from English by E. Rudnev et al. Moscow: ACT. (Philosophy). (In Russian).
4. Sineczkij, S.B. (2019) Lichnost` kak sub`ekt otvetstvennogo civilizacionno-kul`turnogo vy`bora [Personality as a Subject of Responsible Civilizational and Cultural Choice]. *Vestnik kul`turny` i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], No. 3 (59), 47-55. (In Russian).
5. Taleb, N.N. (2013) *Cherny`j lebed`*. *Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Transl. from English by V. Sonkin. The 2nd Ed., Expanded. Moscow: KoLibri. (In Russian).

6. Taleb, N.N. (2015) *Antixrupkost` . Kak izvlech` vy`godu iz xaosa* [Antifragile: Things That Gain from Disorder]. Transl. from English by N. Karaev. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus. (In Russian).
7. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost`* [Fluid Modernity]. Transl. from English by S.A. Komarov. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
8. Ivanov, D.V. (2012) *K teorii potokovy`x struktur* [To the Theory of Flow Structures]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], No. 4, 8-16. (In Russian).
9. Astaf`eva, O.N., Sudakova, N.E. (2018) *K refleksii osnovanij sociokul`turnoj solidarnosti v sovremenom mire: na perekrestke oppozicii "svoj – chuzhoj"* [To the Reflection of the Foundations of Sociocultural Solidarity in the Modern World: at the Crossroads of the Opposition 'Friend or Foe']. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura* [Society: Philosophy, History, Culture], No. 12 (56), 24-30. (In Russian).
10. Novikova, A.A. (2020) *"Kul`turny`e industrii" kak chast` publichnoj sfery` : transformaciya form souchastiya* ['Cultural Industries' as Part of the Public Sphere: Transformation of Forms of Complicity]. *Xudozhestvennaya kul`tura* [Art Culture], No. 1 (32), 65-86. (In Russian).
11. Solomko, D.V., Sokovikov, S.S., Neveleva, V.S. (2022) *E`kogumanisticheskie aspekticii kompensatornogo mexanizma kul`tury`* [Ecohumanistic Aspects of the Compensatory Mechanism of Culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], No. 480, 48-56. (In Russian).
12. Sokovikov, S.S., Czukerman, V.S. (2021) *Kompensatorny`j mexanizm kul`tury` : zametki na polyax raboty` A.Ya. Flier'a* [Compensatory Mechanism of Culture: Notes on the Margins of A.Ya. Flier's Work]. *Vestnik kul`tury` i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], No. 1 (65), 53-63. (In Russian).
13. Bauman, Z. (2018) *Retrotopiya* [Retrotopia]. Transl. from English by V.L. Silaeva. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], No. 6, 435-442. (In Russian).
14. *Materialy` zasedaniya Soveta po razvitiyu social`ny`x innovacij sub``ektov Rossijskoj Federacii pri Sovete Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii (Sovet Federacii, 22 oktyabrya 2020 goda)* (2020) [Materials of the Meeting of the Council for the Development of Social Innovations of the Constituent Entities of the Russian Federation under the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (Federation Council, October 22, 2020)]. *Analiticheskij vestnik* [Analytical Bulletin]. Moscow, No. 13 (756), 5-94. (In Russian).
15. Lobanova, Yu.V. (2022) *Affektivnoe izmerenie kul`tury` v fokuse sovremennogo social`no-gumanitarnogo znaniya* [Affective Measurement of Culture in the Focus of Modern Social and Humanitarian Knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], No. 2 (106), 6-13. (In Russian).
16. Harari, Y.N. (2016) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. Brief History of Mankind]. Transl. from English by L. Summ. Moscow: Sindbad. (In Russian).
17. Lobanova, Yu.V. (2022) *Rol` e`kranny`x tehnologij v formirovanii novoj kul`tury` e`mocij i chuvstv* [The Role of Screen Technologies in the Formation of a New Culture of Emotions and Feelings]. *Kommunikologiya* [Communicology], Vol. 10, No. 3, 116-122. (In Russian).
18. Anderson, Ch. (2008) *Dlinny`j xvost* [The Long Tail]. Transl. from English by I.S. Anikeev. Moscow; Saint Petersburg: Vershina. (Relevance. Competence. Reliability). (In Russian).

19. Kalashnikova, A.A. [2016] Xendmejd kak avtonomiziruyushheesya pole simvolicheskogo prostranstva [Handmade as an Autonomizing Field of Symbolic Space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 12], Issue 3, 60-70. (In Russian).
20. Tolkachev, S.A., Sokolov, A.D. (2020) Mejkerstvo kak "stroj civilizovanny`x kooperatorov" v e`poxu novoj promy`shlennoj revolyucii [Making as a 'System of Civilized Cooperators' in the Era of the New Industrial Revolution]. *Voprosy` politicheskoy e`konomii* [Issues of Political Economy], No. 4, 119-134. (In Russian).
21. Il'in, V.I. (2011) Kreativny`j kons`yumerizm kak trend sovremennogo obshhestva potrebleniya [Creative Consumerism as a Trend of the Modern Consumer Society]. *Obshhestvo potrebleniya: social`ny`e i kul`turny`e osnovaniya* [Consumer Society: Social and Cultural Foundations], No. 5 (58), 41-54. (In Russian).
22. Antonova, I.A. (2018) Xendmejd kak poisk garmonii v e`poxu postmodernizma [Handmade as a Search for Harmony in the Era of Postmodernism]. *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanities University], No. 3 (22), 142-146. (In Russian).
23. Siyuxova, A.M., Bazalkina, E.N. (2021) Osobennosti kommunikacii v profil`ny`x social`ny`x setyax [na primere internet-sajtov, svyazanny`x s praktikoj xendmejda] [Communication Features in Specialized Social Networks (Exemplified by Internet Sites Related to the Practice of Handmade)]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta* [Bulletin of Maykop State Technical University], Vol. 13, No. 3, 170-177. (In Russian).
24. Girz, K. (2004) *Interpretaciya kul`tur* [The Interpretation of Cultures]. Transl. from English by O.V. Barsukova, A.A. Borzunov. Moscow: ROSSPE`N. (In Russian).

About the authors:

Lyudmila B. Zubanova, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Chelyabinsk State Institute of Culture

36-a Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091
milazubanova@gmail.com

Oksana M. Gromova, Director of the Chelyabinsk State Center for Folk Art

17 Pervoy Pyatiletki Str., Chelyabinsk, 454091
gromovao@mail.ru